

А.М. Джалилов^{1*}, А.К. Шашаев², Ж.И. Мулдахметова³, Ж.Т. Джалдыбаев³¹Международный казахско-турецкий университет имени Х.А. Ясави
г. Туркестан, 161200, Республика Казахстан²Институт истории и этнологии имени Ш.Ш. Уалиханова
г. Алматы, 050010, Республика Казахстан³Южно-Казахстанский университет имени М. Ауэзова
г. Шымкент, 160012, Республика Казахстан*e-mail: amari_dzhalilov@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИИ И ДЕПОРТАЦИИ: ИССЛЕДОВАНИЕ НАСЛЕДИЯ 1920-1950-Х ГОДОВ В ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация

Статья посвящена анализу долгосрочных последствий депортаций и политических репрессий, проведенных в Советском Союзе в 1920–1950-е годы. Особое внимание уделяется последствиям репрессий для общества, а также психосоциальным аспектам, таким как утрата доверия к государственным институтам, разделение общества и коллективная травма, передающаяся через поколения. Целью статьи является рассмотрение влияния политических репрессий и депортаций на психологию людей, их отношения с окружающими и восприятие власти. В статье также представлены личные воспоминания и свидетельства жертв репрессий и депортаций, которые помогают глубже понять внутренние переживания и трагедии тех, кто пострадал в 1920–1950-е годы во время правления И. Сталина. Важной темой работы является разрушение семейных связей, социальная изоляция, утрата идентичности и долгосрочная травма жертв. Также рассмотрены последствия политических репрессий и депортации в постсоветский период, включая восстановление исторической памяти и влияние молчания о прошлом на современное общество. Статья подчеркивает значимость сохранения исторической правды для предотвращения повторения трагедий в будущем и осознания продолжающегося страха, который сохраняется в постсоветских обществах. Для написания статьи использованы методы исторического анализа и сравнительного подхода. Особое внимание уделено анализу документов, личных свидетельств и воспоминаний жертв политических репрессий и депортаций, что позволило глубже понять психологические, социальные и культурные последствия тех событий. Также применены методы контекстуального анализа, направленные на выявление взаимосвязей между историческими событиями и их влиянием на общественные и индивидуальные восприятия.

Ключевые слова: Политические репрессии, депортация народов, психологические последствия, социальное наследие, постсоветское общество, историческая травма.

Введение

В 20–50-х годах XX века в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР) были широко распространены политические репрессии и этнические депортации. Эти меры были направлены на подавление оппозиции и устранение угроз власти, нанося ущерб социальной структуре и культурному бытию этносов. Казахстан, как часть СССР, стал одним из главных объектов репрессий и депортаций, приняв корейцев, немцев, чеченцев, курдов и другие этносы. С 1930 по 1950 годы в Казахстан было депортировано более миллиона человек. Последствия этих событий затронули не только жертв, но и их потомков, передав им моральные и психологические травмы. Этот феномен, известный как межпоколенческая травма, важен для изучения в исторической психологии и социологии. Потомки жертв нередко сталкиваются с депрессией, тревожностью и проблемами самоидентификации. Исследование таких последствий необходимо для уменьшения травм, восстановления исторической справедливости и разработки мер по предотвращению подобных событий в будущем.

С 1917 года общее число жертв политических репрессий и депортаций в бывшем СССР оценивается примерно в 40 миллионов человек. Среди них были депортированные,

погибшие от голода, изгнанные из городов «враги народа», расстрелянные, заключённые в тюрьмы и отправленные в лагеря, а также переселённые народы. Это означает, что сегодня миллионы потомков жертв политических репрессий продолжают жить в постсоветском пространстве. С момента прихода к власти большевиков в 1917 году началась кампания преследования граждан, которые не угодны власти, но они были названы не врагами власти, а «врагами народа». Первоначально этими «врагами» стали кулаки, религиозные деятели, представители привилегированных классов и интеллигенция. Поскольку буржуазия, кулаки, враги народа составляли значительную часть населения, можно сказать, что страх за свою судьбу охватил множество граждан СССР. К концу 1920-х годов в СССР усилился государственный террор [1].

С 1930 по 1953 год были вынесены приговоры и постановления относительно 3 778 234 человек, из которых 786 098 были расстреляны; по другим данным, с 1930 по 1953 годы было осуждено 3 851 443 человека, из которых 776 082 были приговорены к высшей мере наказания. В лагерях Главного управления исправительно-трудовых лагерей (далее – ГУЛАГ) за 14 лет (с 1934 по 1947 годы) умерло 516 841 человек, что составляет 53,6% от общего числа погибших за три года (1941-1943 гг.), а остальные 446 925 человек (46,4%) умерли за 11 лет (с 1934 по 1940 и с 1944 по 1947 гг.) [2].

Во время голода 1932-1933 годов в СССР умерло от 4 до 10,8 миллионов человек, а в 1946-1947 годах – от 0,8 до 2 миллионов. Сразу после установления Советской власти, в 1917 году, начались преследования интеллигенции. «Философский пароход» стал наглядным примером репрессий, когда более 160 человек, преимущественно философов и университетских преподавателей, были высланы на двух немецких судах – «Oberbürgermeister Naken» (29-30 сентября 1918 года) и «Prussia» (16-17 ноября 1918 года) [2.-15].

В 1918 году по указанию В.И. Ленина был создан первый концлагерь в СССР на Соловках, где заключённые подвергались насилию и каторжному труду. В.И. Ленин также приказал расправиться с «классовыми врагами» и отнять у них церковные богатства. После смерти В.И. Ленина его политику продолжил Генеральный секретарь ЦК КПСС И.В. Сталин. С 1930-х годов началась эпоха «Большого террора», в ходе которого были репрессированы многие партийные и военные лидеры, высокопоставленные чиновники и рядовые граждане. После 1937 года начали активно отправлять в лагеря и членов семей «врагов народа», а детей этих граждан отправляли в детские дома. Этапы репрессии продолжались и в годы Второй мировой войны. С 1941 года в СССР начали преследовать тех, кто сомневался в победе СССР над Германией. Те, кто возвращался с немецкого плена, были осуждены за измену Родине в СССР. Множество невинных заключённых погибли в штрафных батальонах [2].

Большевистский геноцид остаётся одной из самых трагичных катастроф в истории человечества. Политические репрессии и депортации народов в СССР 1930-х годов отличались хаотичностью и жестокостью. Любой человек мог быть обвинён в измене, отправлен в лагеря или депортирован за слово или шутку. Под репрессии попадали не только отдельные личности, но и целые народы, что приводило к разрушительным последствиям. Одним из самых тяжёлых последствий стала морально-психологическая травма, передающаяся потомкам жертв. Исследование этих последствий остаётся актуальным, поскольку, несмотря на окончание репрессий 70 лет назад, их отголоски видны и сегодня. Недоверие к государственным институтам, социальная изоляция и утрата уверенности в отстаивании своих интересов — прямые последствия репрессий и депортаций 1930–1950-х годов.

Материалы и методы исследования

При написании научной статьи использовались методы и принципы исторической психологии, обеспечивающие объективность и точность исследования. Основными методами стали аналитический и историко-сравнительный подходы, применённые для систематизации и периодизации материалов. Также использовались методы устной истории, включая сбор и анализ данных через интервью. Основными источниками исследования стали научные работы, архивные документы, мемуары и художественные произведения. Особое внимание уделено монографии под редакцией Б.И. Ракишевой «Депортация народов в Казахстан в 1930–1950 гг.: общность истории» [3], включающей интервью с представителями 16 этносов. В монографии рассмотрены условия жизни спецпереселенцев, сохранение ими культурной идентичности и влияние депортаций на последующие поколения. Также важным источником является трёхтомный сборник «Из истории депортаций. Казахстан. 1935–1939 гг.» [4]. В нём представлен глубокий анализ депортаций на основе архивных материалов Республики Казахстан.

Результаты и их обсуждение

До 1956 года и в период 1964–1988 годов советская власть систематически препятствовала объективному изучению политики коммунистического тоталитарного режима, в частности массовых репрессий и депортаций народов, создавая искусственную стену молчания вокруг этих тем. Политика умалчивания служила сохранению устойчивости режима и недопущению осознания последствий сталинского террора. Однако период «оттепели», связанный с руководством Н.С. Хрущёва, занимавшего пост Первого секретаря ЦК КПСС (1953–1964 гг.), стал важным поворотным этапом. Несмотря на запрет критики коммунистической системы, допускалась частичная критика тоталитарной власти, особенно в контексте разоблачения «культы личности» И.В. Сталина [5].

В этот период началась реабилитация миллионов незаконно репрессированных, что стало актом восстановления исторической справедливости и улучшило их правовое и социальное положение. Важным символом переосмысления прошлого стало издание в 1962 году повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» — первого произведения, открыто рассказавшего о сталинских репрессиях и жизни заключённых в ГУЛАГе. Публикация повести вызвала широкий общественный отклик и стала значимым этапом в осмыслении трагических страниц советской истории [6].

Несмотря на ограниченность критики ГУЛАГа, повесть «Один день Ивана Денисовича» стала культурным прорывом, изменившим общественное восприятие репрессивной системы и оказавшим глубокое психологическое воздействие на граждан СССР. После отставки Н. С. Хрущёва в 1964 году, в период правления Л. И. Брежнева, усилился контроль над информацией и искусством, что привело к свёртыванию исследований и прекращению реабилитации жертв репрессий. Архивы оставались закрытыми, а тема репрессий — замалчиваемой. Лишь в конце 1980-х годов, в эпоху перестройки под руководством М. С. Горбачёва, ослабление цензуры позволило обществу вновь открыто говорить о сталинских преступлениях, что стало важным этапом в переосмыслении советского прошлого и формировании исторической памяти.

Не менее важным трудом, оказавшим влияние на осознание масштабов репрессий, стало произведение А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», опубликованное в 1989 году [7].

Его публикация стала переломным моментом в общественном сознании, поскольку впервые на официальном уровне было признано существование масштабной репрессивной системы. Солженицын, опираясь на документальные свидетельства и личные воспоминания, показал, как механизм ГУЛАГа превращался в инструмент политического террора и нравственного порабощения человека. Произведение произвело сильный психологический эффект на советских граждан, вызвало чувство потрясения и

переосмысления истории страны. Оно стало одним из важнейших источников формирования новой исторической памяти, пробудив стремление к правде, гуманизму и ответственности перед прошлым. «Архипелаг ГУЛАГ» сыграл значительную роль в разрушении идеологического молчания, став символом духовного освобождения общества в эпоху перестройки.

Другие произведения, такие как «Дети Арбата» А. Н. Рыбакова [8] и «Воспоминания» Н. Я. Мандельштам [9], раскрывают судьбы отдельных людей и целых семей в годы массового террора.

Наряду с выходом книг и романов в эпоху перестройки начали активно публиковаться воспоминания представителей депортированных народов. Эти тексты стали важным источником восстановления исторической памяти и осмысления последствий сталинской политики. В журнале «Знамя» опубликованы воспоминания Г.Г. Вормсбехера «Немцы в СССР» [10], в которых автор рассказал о судьбе советских немцев, их выселении и жизни в местах спецпоселений. В журнале «Литературная Грузия» вышли воспоминания А. и К. Бараташвили «Мы – месхи» [11], где отражены трагические обстоятельства депортации месхов и утрата ими родной земли.

В период с 1989 по 1999 год было опубликовано множество исследований и литературных работ о сталинской эпохе, позволивших обществу осознать масштабы трагедии 1920–1950-х годов. В статье использованы труды российских исследователей, внесших значительный вклад в изучение депортаций: Н.Ф. Бугая, рассмотревшего особенности и причины выселений народов в 1930–1940-е годы [12]; П.М. Поляна, исследовавшего феномен государственного террора [13]; Э.Х. Панеша и Л.Б. Ермолова, описавших судьбу месхетинских турок [14]; а также М.А. Вылцана, проанализировавшего масштабы депортаций в годы Великой Отечественной войны [15]. Эти исследования расширили понимание природы репрессивной политики и её влияния на судьбы народов СССР.

К сожалению, несмотря на имеющиеся исследования, историческая психология как научная дисциплина только начинает формироваться в Казахстане. Это связано с тем, что в советский период данное направление было фактически подавлено государственной идеологией, не допускавшей анализа психологических последствий репрессий и депортаций. После обретения независимости Казахстаном исследователи начали восполнять пробелы в исторической науке, что позволило по-новому осмыслить события депортаций и их влияние на общество. Одной из первых в этом направлении выступила Г.Б. Козгамбаева [16], которая в своих исследованиях анализировала повседневную жизнь депортированных народов и их отношение к советской власти. В дальнейшем значительный вклад внесли М.Ч. Калыбекова, исследовавшая депортацию народов в Казахстан в годы Великой Отечественной войны [17]; Л.С. Динашева и Д.М. Баубекова, рассмотревшие особенности переселения кавказских народов [18]; А.С. Мусагалиева и Р.М. Мусабекова, изучившие депортацию азербайджанцев в Казахстан [19]; М.Ж. Жолдасбеков, осветивший депортацию тюркских народов [20]; А.И. Кудайбергенова и Ж.К. Купенова, исследовавшие этногенез и переселение ахыска-турок [21]; А.Т. Еспенбетова и Н.А. Макаш, рассмотревшие историю депортированных народов Кызылординской области [22]; Б.К. Исабек и Е.С. Шаланов, обобщившие материалы о депортированных этносах на территории Казахстана [23]; Т.Ж. Макалаков и Л.К. Шотбакова, проанализировавшие зарубежную историографию проблемы адаптации народов Северного Кавказа [24]; а также Б.Р. Шериязданов, раскрывший вклад представителей депортированных этнических групп в развитие казахстанского общества [25].

В России в 1990-е годы начался процесс развития исторической науки, основанный на междисциплинарных и новых методологических подходах, что также оказало влияние на

казахстанскую науку. Значительный вклад в становление исторической психологии как науки внесли работы К.В. Солоеда [1. - 175 - 206] и психолога Н.В. Чинаковой [26].

Психологические травмы

Для депортированных граждан первыми впечатлениями стали вынужденное оставление родных мест и переселение в незнакомую местность. К.А. Магерарова вспоминает, как в 1937 году её семья была депортирована из Азербайджана в Казахстан. По её словам, их отправили без подготовки, в товарных вагонах, как скот. Люди страдали от холода, голода и болезней; многие погибали, и захоронить умерших удавалось не всегда. По прибытии семью разместили в Уштобе, затем перевезли в Кировское село, где им выделили участок для землянки. Несмотря на тяжёлые условия, семья быстро включилась в трудовую деятельность, а дети собирали колосья и выпекали хлеб, который обменивали на продукты [3. - 19].

Для переживших депортацию воспоминания о тех днях оставались тяжёлыми и болезненными. Х.Д. Месиров, высланный в 1944 году из Кабардино-Балкарской АССР, вспоминает, что переселение проходило по указанию КПСС, однако причины оставались неизвестными. Людей насильно выгоняли из домов и грузили в машины. В пути переселенцы страдали от голода и жажды: жидкая каша была единственной пищей, воды не было двенадцать дней. Несмотря на заверения властей, что выселят лишь семьи «бандитов», депортация началась внезапно, и люди осознали, что стали жертвами сталинских репрессий [3. - 41].

Тяжёлое положение депортированных подтверждается архивными документами, отражающими реальное состояние их жизни в местах переселения. Так, в Постановлении заседания Президиума Южно-Казахстанского облисполкома от 15 июня 1938 года «О состоянии жилищно-бытовых условий спецпереселенцев, находящихся в Каучукпромхозе № 12 Пахта-Аральского района, высланных из Армянской ССР» отмечалось:

«В результате отсутствия внимания к жилищно-бытовым условиям спецпереселенцев со стороны Пахта-Аральского райисполкома, райздрава и дирекции Каучукпромхоза т. Сургутова спецпереселенцы находятся в отвратительных квартирных условиях, что привело и приводит к массовым эпидемическим заболеваниям и высокой смертности. Директор Каучукпромхоза т. Сургутов, имея средства на строительство, не принял мер к их использованию по назначению. Врач Кузуб, на обязанности которого лежит медицинское обслуживание спецпереселенцев, более двух месяцев не посещал отделение «Кира-Кир», где наиболее тяжёлые условия. Вместо борьбы с тифозно-большими врач помещал их в одну палату с незаразными, чем способствовал распространению эпидемии» [27].

Репрессированные и депортированные граждане и их восприятие советской системы, а также оценка прошлого

Восприятие советской системы среди депортированных и репрессированных зависело от их социального происхождения. Потомки высокопоставленных большевиков и чекистов нередко гордились революционным прошлым своих родителей, оправдывая репрессии как «ошибки», а не преступления. Даже столкнувшись с арестами, они сохраняли идеализированное представление о большевизме. Выходцы из пролетарской интеллигенции и бедных семей стремились подражать старой элите, ограничиваясь внешними признаками благополучия. Со временем часть из них осознавала противоречие между верой в революционные идеалы и осуждением сталинской политики. Дети простых людей быстрее понимали несправедливость репрессий, а иностранцы, не подверженные советской пропаганде, осознавали это ещё раньше. Один из бывших заключённых вспоминал: «После лагеря я жил, всегда смотря вниз» [2].

Среди депортированных из Грузии в Южный Казахстан выделяется И. Саникидзе, который открыто выражал антисоветские взгляды. Он сказал: «Советская власть всех насильно вывезла с Кавказа, в том числе и нас. Обещали, что наша жизнь улучшится, когда

мы приедем в Казахстан. Однако этого не случилось, нас обманули». Он утверждал, что если бы не советская власть, они бы жили лучше [16. - 11].

По исследованиям Н.В. Чинаковой, депортация привела к развитию множества психических нарушений у переселённых. Среди них отмечаются общее снижение жизненной энергии, характерное для любой тяжёлой травмы, а также противоречивые эмоциональные реакции: одни становятся замкнутыми и безразличными, другие — подверженными резким перепадам настроения. Часто возникают трудности в общении — одни избегают контактов, тогда как другие проявляют чрезмерную зависимость от близких. Нарушается способность к преодолению стресса из-за перестройки нервной системы, ухудшаются навыки семейного взаимодействия, что нередко приводит к эмоциональному отчуждению или даже насилию. В ряде случаев фиксируются психические расстройства различной степени тяжести [26].

Депортированные нередко утрачивают ощущение полноты жизни. Н.К. Надиров вспоминает, что его семья была выселена, когда ему было пять лет. По его словам, военные пришли в деревню и дали жителям сутки на сборы, объяснив, что их выселяют за то, что они курды. Им позволили взять лишь самое необходимое, а перевозили их, как вещи, не сообщив, куда именно отправляют и как им выживать зимой. Мать Надирова вместе со старшими детьми заворачивала вещи в узлы, поскольку чемоданов у семьи не было. Переезд принёс лишь страдания, и единственной надеждой для семьи оставались дети [4.- 655].

Влияние депортации на качество жизни последующих поколений

Необработанные психологические травмы второго и третьего поколений депортированных и репрессированных проявляются в виде эмоциональных трудностей и искажённых моделей поведения. Потомки жертв нередко испытывают сложности в осознании и выражении собственных чувств, а также в понимании эмоций других людей. Опыт насилия и равнодушия, передаваемый через семейную память, формирует у них внутренние противоречия — зависимость от одобрения, страх самостоятельности и неуверенность в собственных силах. Исследования показывают, что последствия депортаций и репрессий затрагивают не только психическое и физическое здоровье, но и социальное функционирование, адаптацию и качество жизни последующих поколений. Среди долгосрочных эффектов отмечаются повышенный риск психических заболеваний и ранней деменции, сокращение продолжительности жизни, страх выделиться или не достичь успеха, социальная изоляция, ослабление межличностных связей и нарушения в развитии, вызванные снижением родительских функций [26].

Эти проявления подтверждают, что травматический опыт депортаций и политических репрессий оказывает многоплановое и долговременное воздействие, выходящее далеко за пределы одного поколения, и требует дальнейшего изучения для разработки мер психологической и социальной поддержки потомков пострадавших.

Воздействие депортации на личность и судьбы людей подтверждается многочисленными свидетельствами. Так, С. В. Вензель, депортированный из Украины в 1941 году, вспоминает о постоянном чувстве страха и социальной изоляции: «Переписка с границей началась в 1970-х годах... всегда было опасение, что нас заметят. Этот страх я до сих пор вижу у людей в России. В Азии он был слабее, потому что ситуация там была иной. Когда мы переехали сюда, я заметил, что отношение к переселенцам здесь отличается от отношения в других регионах» [13.- 460].

О масштабности психологического воздействия свидетельствуют и воспоминания Г.В. Тена, депортированного с Дальнего Востока в 1937 году. Он рассказывает, что смерть И.В. Сталина его семья восприняла как личную трагедию: бабушка тяжело переживала

утрату, плакала и повторяла: «Лучше бы я умерла, почему он умер?» В школе был объявлен траур, занятия отменили, а учителя говорили, что «мы остались сиротами» [3.- 235].

Эти воспоминания подчёркивают, какое значимое место И.В. Сталин занимал в сознании простых людей. Его смерть стала для многих депортированных, в том числе для Г. В. Тена, глубоким эмоциональным потрясением, оставившим чувство утраты и пустоты. Депортации и политические репрессии оказывали воздействие не только на психологию жертв, но и на общественное сознание в целом, тормозя его развитие и формирование критического восприятия действительности. Влияние этих процессов на массовое сознание было подробно исследовано Н. В. Чинаковой, которая классифицировала основные типы их воздействия [16].

Таблица 1. Влияние депортации и политических репрессий на сознание общества (по исследованиям Н.В. Чинаковой) [26]

№	Классификация воздействий	
1.	Потеря доверия	В период депортаций и политических репрессий люди теряли доверие к государственным институтам, власти и друг к другу. Это может привести к хронической политической изоляции и социальному распаду.
2.	Коллективная травма	Репрессивное насилие оставляет в коллективной памяти глубокие психологические травмы. Эти травмы передаются из поколения в поколение, усиливая чувства несправедливости, обиды и желание мести.
3.	Поляризация общества	Репрессии и депортации могут углубить общественные противоречия, разделяя общество на противоположные группы. Это может вызвать этнические, религиозные или политические конфликты, препятствуя достижению согласия и устойчивого мира.
4.	Снижение гражданской активности	В условиях страха перед депортацией и репрессиями граждане становятся менее склонны открыто выражать мнение и участвовать в политической или общественной жизни. Это ослабляет демократические процессы и препятствует полноценному развитию гражданского общества.
5.	Наследие страха	Политика репрессивных режимов может оставить будущим поколениям наследие страха и подчинения. Будущие поколения будут расти с чувством страха перед институтами власти, становясь менее склонными к сопротивлению или протесту.
6.	Мозговая миграция и демографические проблемы	Массовые депортации и репрессии заставляют людей эмигрировать в поисках безопасности, что приводит к утрате человеческого капитала, экономическому ослаблению и демографическим трудностям.
7.	Экономические последствия	Процессы депортаций и репрессий могут нанести тяжёлый удар экономике, поскольку репрессии затрагивают предпринимателей, интеллигенцию и другие социальные группы. Это может привести к экономическому застою и бедности.
8.	Социальная и культурная деградация	Подавление творческой свободы граждан приводит к упадку культуры и науки, а также к разрушению общественных инициатив и идентичности.
Примечание: таблица отражает последствия депортации и политических репрессий, выявленные в исследованиях Н. В. Чинаковой. Эти процессы привели к утрате доверия, формированию коллективной травмы, поляризации общества, снижению гражданской активности, а также к экономическим и демографическим проблемам. Особенно значимо так называемое «наследие страха», формирующее отношение к власти и препятствующее общественному развитию.		

Можно полностью согласиться с результатами исследования Н. В. Чинаковой. Сегодня уровень недоверия граждан к государственным институтам по-прежнему остаётся

высоким по сравнению с другими странами. В современном обществе сохраняется и чувство обиды на советскую власть. Так, В.М. Баумбах, депортированный из Украины в Казахстан вместе с родителями, вспоминал детство, наполненное трудностями и ощущением несправедливости. В школе обучение велось на русском языке, которого он не знал, что вызывало у него значительные затруднения. На улице его часто дразнили: один мальчик, потерявший отца на войне, называл Баумбаха «фашистом» и нередко его избивал. Эти воспоминания отражают, как политика депортаций и идеологическая атмосфера того времени формировали в обществе предвзятость, враждебность и взаимное недоверие [3. – 338].

Разрушение семейных и родственных связей

Депортация привела к разрушению семейных и родственных связей, что подтверждается архивными материалами. В Запросе НКВД Азербайджанской ССР в НКВД Казахской ССР от 5 сентября 1938 года сообщалось, что из пограничных районов Азербайджана в Казахстан были высланы 141 семья, главы которых ранее осуждены как «контрреволюционные элементы». Однако уже летом того же года 54 семьи самовольно вернулись на прежние места жительства, объясняя это тем, что «на местах их не приняли и разрешили проживать, где угодно». Ни одна из семей не имела документов об освобождении с мест высылки. Этот документ наглядно показывает, что депортации сопровождались дезорганизацией и хаотичным переселением, в результате чего семьи теряли связь друг с другом, а государственные органы не обеспечивали условий для их воссоединения [28].

Аналогичная ситуация зафиксирована в переписке органов НКВД о самовольном выезде спецпереселенца из Армении. В ней сообщается, что в 1937 году из Армении в Казахстан был выслан с семьёй Мелконян-Мшеян Огенес Погосович, проживавший в Каучукпромхозе № 13 в районе Алма-Аты. Позднее он с семьёй самовольно вернулся в Армению, не имея при себе разрешительных документов. НКВД Армянской ССР направил запрос в НКВД Казахской ССР с требованием уточнить, было ли разрешено его возвращение или он «скрылся с места высылки». Этот пример также свидетельствует о разобщённости семей депортированных и отсутствии возможности для их законного воссоединения [28. – 72].

Страх, отрицание прошлого и неспособность переживать горе

Депортация народов СССР сопровождалась не только физическими страданиями, но и глубокими психологическими последствиями, проявлявшимися в форме страха, эмоционального оцепенения и вытеснения памяти о пережитом. Так, в воспоминаниях Н.М. Дятловой «Никаких сопротивлений не было против депортации» описывается атмосфера безысходности и подчинённости, где страх перед властью был настолько велик, что никто не осмеливался сопротивляться. Люди выполняли приказы молча, не осознавая масштаба происходящего, — это отражает состояние подавленного сознания и внутреннего онемения [29].

Т.Ч. Эфендиева в своих воспоминаниях «Тяжким камнем легла на душу и дорога в неведение» подчёркивает эмоциональную травму, вызванную потерей родины и близких. Она отмечает, что «любая жалоба могла быть расценена как враждебность к власти», что иллюстрирует неспособность открыто выражать горе и страх перед властью [29. – 550].

Р.М. Мамошина в очерке «Казахстан — Родина уже для третьего поколения калмыков» пишет, что «старшее поколение до сих пор не любит вспоминать дорогу и первые годы жизни в ссылке». Этот факт свидетельствует об отрицании прошлого и формировании защитного механизма — нежелании возвращаться к болезненным воспоминаниям, ставшими частью коллективной травмы депортированных [29. – 555 - 557].

Таким образом, в воспоминаниях очевидцев отражается не только исторический опыт насильственного переселения, но и его долговременные последствия — страх, вытеснение горя и отказ от воспоминаний, которые передаются из поколения в поколение.

Заключение

1917 год стал переломным моментом в отечественной истории, ознаменовавшись двумя революциями. Октябрьская социалистическая революция привела к установлению однопартийной диктатуры, которая сохранялась вплоть до конца 1980-х годов. Политика большевиков сопровождалась репрессиями, насилием и конфискациями, что противоречило принципам демократии и правового государства. Репрессивная система, зародившаяся в 1917 году, достигла своего апогея в 1930-е годы во время культа личности И. В. Сталина, когда власть сосредоточилась в руках одного лидера. Этот период ознаменовался массовыми репрессиями, депортациями и тяжелыми морально-психологическими последствиями для миллионов граждан. Массовые репрессии и насильственные переселения подрывали доверие к государственным институтам, вызвали социальную изоляцию и дезинтеграцию общества, оставив глубокие психологические травмы и усилив внутренние противоречия. Эти процессы способствовали росту этнических и политических конфликтов, ослабляли демократические тенденции и препятствовали формированию гражданского общества. Несмотря на прекращение масштабных репрессий в 1950-е годы, их последствия ощущались ещё десятилетиями. Лишь в период правления М. С. Горбачёва началось открытое обсуждение трагического наследия сталинской эпохи, что стало важным шагом к восстановлению исторической справедливости.

Информация о финансировании

Данное исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН АР26199651).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- 1 Солоед К.В. Психическая травма в семьях, пострадавших от сталинских репрессий // Московский психотерапевтический журнал. — 2006. — № 4. — С. 175—206.
- 2 Солоед К.В. Психологические последствия репрессий 1917–1953 годов в судьбах отдельных людей и в обществе [Электронный ресурс] - URL: <https://psyjournal.ru/articles/psihologicheskie-posledstviya-repressiy-1917-1953-godov-v> (дата обращения: 30.10.2024).
- 3 Депортация народов в Казахстан в 1930–1950 гг.: общность истории / под общ. ред. Б.И. Ракишевой. — Астана: Изд-во Казахстана, 2013. — 683 с. — (Серия «Устная история»).
- 4 Из истории депортаций. Казахстан. 1935–1939 гг.: сборник документов. Т. 2 / редкол.: З.С. Айдарбеков, Л.С. Актаева, Н.Р. Джагфаров и др. — Алматы: ЛЕМ, 2014. — 740 с.
- 5 О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС товарища Хрущёва Н. С. XX съезду КПСС. Известия ЦК КПСС. — №3. — 1989. — С. 128–170.
- 6 Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича («Щ-854. Один день одного ЗэКа»): повесть. Новый мир. — №11. — 1962. — С. 8–71.
- 7 Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ (опыт художественного исследования). Новый мир. — №7. — 1989. — С. 7–95.
- 8 Рыбаков А.Н. Дети Арбата. Дружба народов. — №4. — 1987. — С. 3–134.
- 9 Мандельштам Н.Я. Воспоминания. — Москва: Книга, 1989. — 483 с.
- 10 Вормсбахер Г.Г. Немцы в СССР. Знамя. — №12. — 1988. — С. 193–203.
- 11 Бараташвили А., Бараташвили К. Мы – месхи. Литературная Грузия. — №9. — 1988. — С. 98–146.
- 12 Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов в 30–40-е годы. История СССР. — №6. — 1989. — С. 135–144.
- 13 Полян П.М. Человек и большой террор. Знамя. — №1. — 1990. — С. 230–234.
- 14 Панеш Э.Х., Ермолов Л.Б. Месхетинские турки. Вопросы истории. — №9–10. — 1991. — С. 212–217.
- 15 Вылцан М.А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны. Этнографическое обозрение. — №3. — 1995. — С. 26–44.

16 Козгамбаева Г.Б. Қазақстанға депортацияланған халықтардың күнделікті өмірі, Сталин дәуірінің шындықтарының бірі ретінде (XX ғ. 30–50 жж.) // XII International Conference on Social Research and Behavioral Sciences, 12–13 November 2022, Antalya, Turkey. — 2022. — P. 419.

17 Калыбекова М.Ч. Депортация народов в Казахстан в годы Великой Отечественной войны. Гуманитарные науки в Сибири. — Т. 22, №1. — 2015. — С. 98–101.

18 Динашева Л.С., Баубекова Д.М. Кавказ халықтарының Қазақстанға депортациялануы тарихынан. Молодой ученый. — №16-1(202). — 2018. — Б. 27–29.

19 Мусагалиева А.С., Мусабекова Р.М. Депортация азербайджанцев в Казахстан (1930–1940 гг.). Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. — Т. 96, №4. — 2019. — С. 46–54.

20 Жолдасбеков М.Ж. Тарих деректері: қазақ жеріне депортацияланған түркі халықтары. Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің хабаршысы. Саяси ғылымдар. Аймақтану. Шығыстану. Түркітану сериясы. — №3. — 2019. — Б. 116–122.

21 Кудайбергенова А.И., Купенова Ж.К. Ахысқа түріктерінің этногенезі мен Қазақстанға жер аудару мәселесіне орай. The World of the Great Altai. — Т. 5, №2. — 2019. — Б. 177–196.

22 Еспенбетова А.Т., Макаш Н.А. Қызылорда облысына жер аударылған халықтар тарихы. Молодой ученый. — №50(392). — 2021. — Б. 637–639.

23 Исабек Б.Қ., Шаланов Е.С. Қазақстан аумағына депортацияланған халықтар тарихы. Абай атындағы ҚазҰПУ-дың хабаршысы. Тарих және саяси-әлеуметтік ғылымдар сериясы. — №1. — 2020. — Б. 352–357.

24 Макалаков Т.Ж., Шотбакова Л.К. Зарубежная историография проблемы адаптации народов Северного Кавказа, насильственно переселенных в Казахстан в 40-х гг. XX века. Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. — №4(108). — 2022. — С. 135–141.

25 Шериязданов Б.Р. Қазақстанға депортациямен келген этникалық топтары өкілдерінің елеулі үлес қосқан қайраткерлері. Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің хабаршысы. Тарихи ғылымдар. Философия. Дінтану сериясы. — №4(141). — 2022. — Б. 134–149.

26 Чинакова Н.В. Последствия политических репрессий для человека и общества [Электронный ресурс] - URL: <https://www.b17.ru/article/301625/> (дата обращения: 30.10.2024).

27 Туркестанский областной государственный архив. Ф.121. Оп.6. Д.9. Л.159–160.

28 Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф.1490. Оп.1. Д.13. Л. 62 – 64, 72.

29 Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг. : сборник документов. В 3 т. Т. 3 / под общ. ред. Д. Ю. Абдукадыровой. – Алматы : LEM, 2019. – 708 с.

СТАЛИНДІК РЕПРЕССИЯЛАР МЕН ДЕПОРТАЦИЯЛАРДЫҢ ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК САЛДАРЫ: 1920-1950 ЖЫЛДАРДАҒЫ МҰРАНЫҢ ПОСТКЕҢЕСТІК ҚОҒАМДА ЗЕРТТЕЛУІ

Андатпа

Мақалада 1920–1950 жылдары Кеңес Одағында жүзеге асырылған депортациялар мен саяси қуғын-сүргіндердің ұзақ мерзімді салдары жан-жақты талданған. Негізгі назар қуғын-сүргіннің қоғамға әсеріне және психоәлеуметтік аспектілерге аударылады, атап айтқанда, мемлекеттік институттарға деген сенімнің жоғалуы, қоғамның жіктелуі және ұрпақтан ұрпаққа берілетін ұжымдық психологиялық жарақаттар мәселелері қарастырылған. Мақаланың мақсаты-саяси қуғын-сүргін мен депортацияның адамдардың психологиясына, олардың басқалармен қарым-қатынасына және билікті қабылдауға әсерін қарастыру. Автор саяси қуғын-сүргін мен депортацияның жеке тұлғалардың психологиясына, олардың әлеуметтік қатынастарына және билікке деген көзқарасына әсерін қарастырған. Мақалада сондай-ақ қуғын-сүргін мен депортация құрбандарының жеке естеліктері мен куәліктері ұсынылып, бұл И. Сталин билігі тұсындағы зардап шеккен адамдардың ішкі күйзелісі мен қайғысын терең түсінуге мүмкіндік береді. Мақалада отбасылық байланыстардың үзілуі, әлеуметтік оқшаулану және зардап шеккендердің ұзақ мерзімді психологиялық жарақаттары сияқты мәселелер егжей-тегжейлі зерттелген. Сонымен қатар, посткеңестік кезеңдегі саяси қуғын-сүргін мен депортацияның салдары қарастырылып, оның ішінде тарихи жадыны қалпына келтіру және өткенді үнсіз қалдырудың қазіргі қоғамға әсері сараланған. Мақала тарихи шындықты сақтаудың маңыздылығын атап көрсетеді, бұл осындай қайғылы оқиғалардың қайталануына жол бермеуге және посткеңестік қоғамда сақталып қалған қорқыныш пен сенімсіздікті түсінуге мүмкіндік береді. Зерттеу барысында тарихи талдау, салыстырмалы әдістер, сондай-ақ саяси қуғын-сүргін мен депортация құрбандарының естеліктеріне сүйенген сапалы талдау әдісі қолданылған. Сонымен қатар, тарихи оқиғалардың қоғам мен жеке тұлғалардың қабылдауына әсерін анықтауға бағытталған контекстуалды талдау әдістері қолданылған.

Негізгі сөздер: Саяси қуғын-сүргін, халықтарды депортациялау, психологиялық салдар, әлеуметтік мұра, посткеңестік қоғам, тарихи травма.

PSYCHOLOGICAL AND SOCIAL CONSEQUENCES OF STALIN'S REPRESSIONS AND DEPORTATIONS: A STUDY OF THE LEGACY OF THE 1920S– 1950S IN POST-SOVIET SOCIETY

Abstract

This article analyzes the long-term consequences of deportations and political repressions carried out in the Soviet Union during the 1920s–1950s. Particular attention is given to the societal repercussions and psychosocial aspects, including the loss of trust in state institutions, social fragmentation, and collective trauma passed down across generations. The purpose of the article is to examine the impact of political repression and deportations on people's psychology, their relationships with others, and perceptions of power. The author examines the impact of political repression and deportations on individuals' psychology, relationships with others, and perceptions of authority. The article also features personal memories and testimonies of the victims of repressions and deportations, providing deeper insight into the inner experiences and tragedies of those affected during Stalin's rule in the 1920s–1950s. A key theme of the work is the destruction of family ties, social isolation, loss of identity, and the long-term trauma experienced by victims. The article also explores the consequences of political repressions and deportations in the post-Soviet period, including the restoration of historical memory and the impact of silence about the past on modern society. The significance of preserving historical truth to prevent the recurrence of such tragedies is emphasised, along with the persistent fear that continues to linger in post-Soviet societies. The article employs methods of historical analysis and a comparative approach. Particular attention is given to the analysis of documents, personal testimonies, and memories of victims of political repressions and deportations, allowing for a deeper understanding of the psychological, social, and cultural consequences of these events. Additionally, methods of contextual analysis are applied to identify the interconnections between historical events and their impact on societal and individual perceptions.

Keywords: Political repressions, deportation of peoples, psychological consequences, social legacy, post-Soviet society, historical trauma.

REFERENCES

- 1 Soloed K.V. "Psychicheskaya travma v semyakh, postradavshikh ot stalinskikh repressiy" [*Psychological trauma in families suffering from Stalinist repressions*]. Moscow Psychotherapeutic Journal, 2006, No. 4, P. 175–206. [in Russian]
- 2 Soloed K.V. "Psikhologicheskie posledstviya repressiy 1917-1953 godov v sud'bakh otel'nykh lyudey i v obshchestve" [*Psychological Consequences of the Repressions of 1917-1953 in the Fates of Individuals and in Society*]. Available at: — URL: <https://psyjournal.ru/articles/psihologicheskie-posledstviya-repressiy-1917-1953-godov-v> [in Russian] (accessed: 30.10.2024).
- 3 Depoartatsiya narodov v Kazakhstan v 1930-1950 gg.: obshchnost' istorii / pod obshch. red. B.I. Rakishevoy. [*The Deportation of Peoples to Kazakhstan in 1930-1950: A Shared History*]. Astana: Kazakhstan Publishing, 2013. 683 p. [in Russian]
- 4 Iz istorii deparatatsiy. Kazakhstan. 1935-1939 gg.: sbornik dokumentov. T. 2 / redkol.: Z.S. Aydarbekov, L.S. Aktaeva, N.R. Djagfarov i dr. [*From the History of Deportations. Kazakhstan. 1935-1939: A Collection of Documents*] Vol. 2 / Editorial Board: Z.S. Aydarbekov, L.S. Aktaeva, N.R. Djagfarov, et al. Almaty: LEM, 2014. 740 p. [in Russian]
- 5 O kul'te lichnosti i ego posledstviyah. Doklad Pervogo sekretarya CK KPSS tovarishcha Khrushcheva N.S. XX s'ezdu KPSS [*On the Cult of Personality and Its Consequences. Report of First Secretary of the CPSU Central Committee N.S. Khrushchev to the 20th CPSU Congress*]. Izvestiya CK KPSS. №3. 1989. P. 128–170. [in Russian]
- 6 Solzhenitsyn A.I. Odin den' Ivana Denisovicha ("Shch-854. Odin den' odnogo ZeKa"): povest' [*One Day in the Life of Ivan Denisovich ("Shch-854. One Day of a Prisoner"): a novella*]. Novyj mir. №11. 1962. P. 8–71. [in Russian]
- 7 Solzhenitsyn A.I. Arhipelag GULAG (opyt hudozhestvennogo issledovaniya) [*The Gulag Archipelago (an experiment in literary investigation)*]. Novyj mir. №7. 1989. P. 7–95. [in Russian]
- 8 Rybakov A.N. Deti Arbata [*Children of the Arbat*]. Druzhba narodov. №4. 1987. P. 3–134. [in Russian]
- 9 Mandel'shtam N.Ya. Vospominaniya [*Memoirs*]. Moskva: Kniga. 1989. 483 r. [in Russian]
- 10 Vormsbekher G.G. Nemcy v SSSR [*Germans in the USSR*]. Znaniya. №12. 1988. P. 193–203. [in Russian]
- 11 Baratashvili A., Baratashvili K. My – meskhi [*We are Meskhetians*]. Literaturnaya Gruzija. №9. 1988. P. 98–146. [in Russian]
- 12 Bugai N.F. K voprosu o deportatsii narodov v 30–40-e gody [*On the issue of deportations of peoples in the 1930s–1940s*]. Istorija SSSR. №6. 1989. P. 135–144. [in Russian]

- 13 Polyan P.M. Chelovek i bol'shoi terror [*Man and the Great Terror*]. Znamya. №1. 1990. P. 230–234. [in Russian]
- 14 Panesh E.Kh., Ermolov L.B. Meskhetinskie turki [*Meskhetian Turks*]. Voprosy istorii. №9–10. 1991. P. 212–217. [in Russian]
- 15 Vyltsan M.A. Deportatsiya narodov v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [*Deportation of peoples during the Great Patriotic War*]. Etnograficheskoe obozrenie. №3. 1995. P. 26–44. [in Russian]
- 16 Kozgambaeva G.B. Qazaqstanğa deportasialanğan halyqtardyñ kündelikti ömiri, Stalin дәуірінің şyndyqtarynyñ biri retinde [*The Daily Life of the Populations Deported to Kazakhstan, as One of the Realities of the Stalin Era*]. XII International Conference on Social Research and Behavioral Sciences, November 12-13, 2022, Antalya, Turkey. 2022. 419 p. [in Kazakh]
- 17 Kalybekova M.Ch. Deportatsiya narodov v Kazakhstan v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [*Deportation of peoples to Kazakhstan during the Great Patriotic War*]. Gumanitarnye nauki v Sibiri. T. 22, №1. 2015. P. 98–101. [in Russian]
- 18 Dinasheva L.S., Baubekova D.M. Kavkaz halyqtarynyñ Qazaqstanğa deportasialanuy tarihyndan [*From the history of the deportation of Caucasian peoples to Kazakhstan*]. Molodoi uchenyi. №16-1(202). 2018. P. 27–29. [in Kazakh]
- 19 Musagalieva A.S., Musabekova R.M. Deportatsiya azerbaidzhantsev v Kazakhstan (1930–1940 gg.) [*Deportation of Azerbaijanis to Kazakhstan (1930s–1940s)*]. Vestnik Karagandinskogo universiteti. Seriya: Istoriya. Filosofiya. T. 96, №4. 2019. P. 46–54. [in Russian]
- 20 Zholdasbekov M.Zh. Tarih derekteri: qazaq jerine deportasialanğan türki halyqtary [*Historical sources: Turkic peoples deported to Kazakh lands*]. L.N. Gumilev atyndagy Ewraziya ulttyq universitetiniñ habarshysy. Sayasi gylymdar. Aimaqtanu. Shygystanu. Turkitanu seriyasy. №3. 2019. P. 116–122. [in Kazakh]
- 21 Qudaibergenova A.I., Kупenova Zh.K. Ahyska türikteriniñ etnogenezi men Qazaqstanğa jer audaru мәselesine orai [*On the ethnogenesis and deportation of the Ahyska (Meskhetian) Turks to Kazakhstan*]. The World of the Great Altai. T. 5, №2. 2019. P. 177–196. [in Kazakh]
- 22 Espenbetova A.T., Makash N.A. Qyzylorda oblysyna zher audarylğan halyqtar tarihy [*History of peoples deported to the Kyzylorda region*]. Molodoi uchenyi. №50(392). 2021. P. 637–639. [in Kazakh]
- 23 Isabek B.Q., Shalanov E.S. Qazaqstan aumaғыna deportasialanğan halyqtar tarihy [*History of peoples deported to the territory of Kazakhstan*]. Abai atyndagy QazUPU-dyñ habarshysy. Tarih jáne sayasi-áleumettik gylymdar seriyasy. №1. 2020. P. 352–357. [in Kazakh]
- 24 Makalakov T.Zh., Shotbakova L.K. Zarubezhnaya istoriografiya problemy adaptatsii narodov Severnogo Kavkaza, nasilstvenno pereselennykh v Kazakhstan v 40-kh gg. XX veka [*Foreign historiography of the adaptation of North Caucasian peoples forcibly resettled in Kazakhstan in the 1940s*]. Vestnik Karagandinskogo universiteti. Seriya: Istoriya. Filosofiya. №4(108). 2022. P. 135–141. [in Russian]
- 25 Sheriyazdanov B.R. Qazaqstanğa deportasiamen kelgen etnikalyq toptary ökilderiniñ eleuli üles qosqan qairatkerleri [*Prominent figures among representatives of ethnic groups deported to Kazakhstan*]. L.N. Gumilev atyndagy Ewraziya ulttyq universitetiniñ habarshysy. Tarihi gylymdar. Filosofiya. Dintanu seriyasy. №4(141). 2022. P. 134–149. [in Kazakh]
- 26 Chinakova N.V. "Posledstviya politicheskikh repressiy dlya cheloveka i obshchestva" [*The Consequences of Political Repressions for the Individual and Society*]. Available at: — URL: <https://www.b17.ru/article/301625/> [in Russian] (accessed: 30.10.2024).
- 27 Turkestanskii oblastnoi gosudarstvennyi arkhiv [*Turkestan Regional State Archive*]. F. 121. Op. 6. D. 9. L. 159–160. [in Russian]
- 28 Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [*Central State Archive of the Republic of Kazakhstan*]. F. 1490. Op. 1. D. 13. L. 62–64, 72. [in Russian]
- 29 Iz istorii deportatsii. Kazakhstan. 1939–1945 gg.: sbornik dokumentov [*From the history of deportations. Kazakhstan. 1939–1945: collection of documents*]. pod obshch. red. D. Yu. Abdukadyrovoi. Almaty: LEM, 2019. 708 p. [in Russian]

Information about authors:

Assan Jalilov – **corresponding author**, master of humanities, PhD student at the Department of “History”, Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Turkestan, Republic of Kazakhstan

E-mail: amari_dzhalilov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9342-6171>

Auezhan Shashaev – candidate of historical sciences, senior research fellow at the Institute of History and Ethnology named after Sh.Sh. Ualikhanov, Almaty, Republic of Kazakhstan

E-mail: shashaevaeuzhan@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4902-0120>

Zhanar Muldakhmetova – candidate of historical sciences, senior lecturer of the Department of “History of Kazakhstan”, South Kazakhstan University named after M. Auezov, Shymkent, Republic of Kazakhstan

E-mail: zhanar_0869@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4322-0543>

Zhomart Zholybayev – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of “History of Kazakhstan”, South Kazakhstan University named after M. Auezov, Shymkent, Republic of Kazakhstan

E-mail: jomartt67@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1980-8914>

Информация об авторах:

Асан Джалилов – **основной автор**, магистр гуманитарных наук, докторант кафедры «История», Международный казахско-турецкий университет имени Х.А. Ясауи, г. Туркестан, Республика Казахстан

E-mail: amari_dzhalilov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9342-6171>

Ауэзхан Шашаев – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии имени Ш.Ш. Уалиханова, г. Алматы, Республика Казахстан

E-mail: shashaevaezhan@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4902-0120>

Жанар Мулдахметова – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры «История Казахстана», Южно-Казахстанский университет имени М. Ауэзова, г. Шымкент, Республика Казахстан

E-mail: zhanar_0869@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4322-0543>

Жомарт Джолдыбаев – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История Казахстана», Южно-Казахстанский университет имени М. Ауэзова, г. Шымкент, Республика Казахстан

E-mail: jomartt67@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1980-8914>

Авторлар туралы ақпарат:

Асан Джалилов – **негізгі автор**, гуманитарлық ғылымдарының магистрі, «Тарих» кафедрасының докторанты, Халықаралық Қожа Ахмет Ясауи атындағы қазақ-түрік университеті, Түркістан қ., Қазақстан Республикасы

E-mail: amari_dzhalilov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9342-6171>

Ауэзхан Шашаев – тарих ғылымдарының кандидаты, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының жетекші ғылыми қызметкері, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

E-mail: shashaevaezhan@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4902-0120>

Жанар Мулдахметова – тарих ғылымдарының кандидаты, «Қазақстан тарихы» кафедрасының Аға оқытушысы, М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті, Шымкент қ., Қазақстан Республикасы

E-mail: zhanar_0869@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4322-0543>

Жомарт Джолдыбаев – тарих ғылымдарының кандидаты, «Қазақстан тарихы» кафедрасының доценті, М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті, Шымкент қ., Қазақстан Республикасы

E-mail: jomartt67@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1980-8914>